

О. А. БЕЛОБРОВА

СТАТУЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА В ДРЕВНЕ-РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ И ИКОНОГРАФИИ

Конная статуя Юстиниана I, как известно, была воздвигнута в Константинополе еще при жизни императора, около 542 г.¹ Она простояла на месте более тысячи лет и почти не пострадала ни от крестоносцев в 1204 г., ни от турок-захватчиков в 1453 г.²

Обычно для воссоздания облика этой статуи обращаются к описаниям византийских историков Прокопия Кесарийского, Зонары, Кедрина, Георгия Кодина, Иоанна Малалы, Феофана, Никифора Григоры³. Иногда ссылаются на описания Клавихо, а также Ибн-бен-Яхья⁴. В качестве иллюстрации к этим описаниям чаще всего используется миниатюра первой четверти XV в. из рукописной книги (собрания Серафимской библиотеки в Стамбуле), содержащей итальянские переводы „Политики“ Аристотеля и отрывков из Сенеки, Цицерона, Кассиодора и других авторов. Эта миниатюра (рис. 1) была обнаружена и впервые опубликована в середине XIX в. и с тех пор много раз воспроизводилась как чуть ли не единственное дошедшее до нас изображение статуи Юстиниана⁵. Иногда, правда, для представления об этой статуе

¹ Дату 542 г. (16-й год правления Юстиниана) приводят Феофан (*Theophanis Chronographia*, I. Lipsiae, 1883, p. 224) и Кедрин (*Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae op. . .*, vol. I. Bonnae, 1838, p. 656).

² Во время латинского завоевания Константинополя с высокой колонны, на которой возвышалась статуя, была сорвана бронзовая облицовка. О повреждениях, нанесенных памятнику, и о некоторых восстановительных работах 1317—1325 гг. говорит Никифор Григора (*Nicéphori Gregorae Byzantina, historia*, vol. I. Bonnae, 1829, p. 275—276). Статуя стояла на колонне еще в 1490 г., как об этом свидетельствует Гартман Шедель (*H. Schedel. Buch der Chroniken. Nürnberg, 1493, S. CCLVII*). Путешественник первой половины XVI в. Пьер Жили видел статую уже в фрагментах, разбросанных на земле. (*P. Gyllie. De Constantinopoleos Topographia [s. l.], 1632, p. 148—155*).

³ *Procopius. De aedificiis*, vol. III. Bonnae, 1838, p. 181—182; *Zonaras*, vol. III. Bonnae, 1897, p. 157; *Cedr.*, I, p. 656; *Georgius Codinus. De antiquitatibus Constantinopolitanis*. Bonnae, 1843, p. 28—29; *Ioannis Malalae Chronographia*. Bonnae, 1831, p. 482; *Theophanis Chronographia*. Lipsiae, 1883, p. 224; *Nicéph. Greg.*, p. 275—276. Обзор византийских литературных источников о статуе Юстиниана см.: *Fr. W. Unger. Über die Vier Kolossal-Säulen in Constantinopel. „Repertorium für Kunstwissenschaft“*, Bd. II, H. I. Stuttgart, 1879, S. 109—137.

⁴ Ссылку на Клавихо находим, например, в кн.: *A. van Millingen. Byzantine Constantinople*. London, 1879. Ибн-бен-Яхья цитируется в кн.: *A. Grabar. L'empereur dans l'art byzantin*. Paris, 1936, p. 46.

⁵ КЕФЭ, Σύγγραμμα περιοδικόν ἐκδομένον κατὰ διμηνίαν. ἔτος β', τόμος β'. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1864, σελ. 103—106, рис. между стр. 148 и 149. Ф. А. Детье, автор этой публикации, относил рисунок к 1340 г. Его датировку повторяли: *Mordtmann. Esquisse topo-*

или о ее деталях обращались к сохранившемуся слепку с золотого двустороннего медальона Юстиниана, на котором имелось его конное изображение⁶. В конце XIX в. Т. Рейнах, комментатор поэмы византийского поэта Константина Родия, сопоставил описание этой статуи с ее изображениями, круг которых он увеличил, обратившись к Хронике Гартмана Шеделя 1493 г. На гравюрах этой Хроники статуя Юстиниана представлена среди других сооружений Константинополя трижды⁷. Сходное изображение этого монумента можно найти и на венецианском плане Константинополя Бондельмонти 1422 г.⁸

Однако до сих пор не получило достойной оценки значение древнерусских письменных и изобразительных источников, в которых отражена эта достопримечательность Византийской империи.

Самое раннее на Руси описание этой статуи находится в списках „Беседы о святых и других достопамятностях Царьграда“, составленной, по-видимому, новгородским священником, впоследствии архиепископом Василием Каликой в начале XIV в.: „Исходя из церкви святых Софья полуденными дверми, по правой руки есть столпъ камень высокъ; на столпѣ томъ стоитъ Иустиянъ царь весь мѣдянь на конѣ, и конь мѣдянь; держитъ в руцѣ яблоко мѣдяно велие, поднялъ бо бѣ на землю

Рис. 1. Изображение статуи Юстиниана на миниатюре первой четверти XV в. в рукописи итальянских переводов Аристотеля и других авторов

Из собрания Серафимской библиотеки

graphique de Constantinople. Lille, 1892, p. 64, 65; Essad Djelal. Constantinople de Byzance à Stamboul. Paris, 1909, p. 140, 141; J. Ebersolt. Constantinople. Recueil d'études, d'archéologie et d'histoire. Paris, 1951, p. 68, note 4. Уточнил дату этого рисунка Т. Рейнах (Th. Reinach. Commentaire archéologique sur le poème de Constantin le Rhodien. „Revue des études grecques“, t. IX, № 33, 1896, p. 83. К XV в. относился этот рисунок: О. Ф. Вульф. Семь чудес Византии и храм святых апостолов. ИРАИК, т. I. Одесса, 1896, стр. 40; O. M. Dalton. Byzantine art and archeology. Oxford, 1911, p. 124; Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, t. I. Paris, 1925, p. 280 и другие авторы. Первое воспроизведение этого рисунка в русской научной литературе относится к 1892 г.: „Материалы археологии России“, т. VIII. СПб., 1892, стр. 35.

⁶ Этот медальон был украден из Лувра в 1831 г., и до наших дней дошел лишь лондонский слепок с него, воспроизводившийся в трудах: „Материалы археологии России“, т. VIII. СПб., 1892, стр. 34; Н. Peirce et R. Tyler. L'art byzantin, t. II. Paris, 1934, p. 95, pl. 73 a; A. Grabar. Op. cit., p. 47, pl. XXVIII.

⁷ Th. Reinach. Op. cit., p. 101—103; H. Schedel. Buch der Chroniken. Nürenberg, 1493, гравюры на лл. CXXIX об. — CXXX, CCXLIX, CCLVII.

⁸ Этот план воспроизводился в кн.: Mordtmann. Esquisse topographique de Constantinople. „Revue de l'art chrétien“, t. II, 6-me livr., novembre 1891, p. 479; A. van Millingen. Op. cit., вкладной лист.

Срачинску, а в правой руцѣ ему крестъ; а предъ нимъ 3 столпы камни, а на столпахъ 3 цари погани, всѣ слѣпи мѣдяны аки живы стоятъ, преклониша колѣни свои Юстиyaniу царю и предающе грады своя в руцѣ ему⁹.

Наиболее яркое описание статуи содержится в Путешествии Стефана Новгородца (около 1350 г.): „В неделю страстную приидохомъ в Царьградъ и идохомъ къ святой Софии. И видѣхомъ: ту стоитъ столпъ чуден вельми, толстотою и высотой и красотою издалеча смотря видѣти его, и на верху его сидитъ Юстинианъ Великий на конѣ, вельми чудень, аки жив, в доспѣсѣ одѣянъ Срацинскомъ, грозно видѣти его, а в руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя прострѣ буйно на полдни, на Срацинскую землю к Иерусалиму. Суть же много и иниихъ столповъ по граду стоятъ от камня мрамора, много же на нихъ писанія“¹⁰.

Несколько более кратко описана статуя у путешественника начала XV в. иеродиакона Троице-Сергиева монастыря Зосимы (1420 г.): „Предъ дверми ж стые Софѣи столпъ стоит, на нем же црь Оустиянъ стоит на кони, конь мѣдяный, сам мѣден вылит, правую ж руку держит распростерту, а зрит на востокъ, хвалится на сороцинские цри, и сороцинские цри против ему стоят болваны мѣдяни, держат в руках своих дан и глаголятъ ему: не хвалися на нас, господине, мы ся тебѣ ради противити начнем; в друзѣи ж руцѣ держит як яблок злат, а на яблоцѣ крестъ“¹¹.

Сопоставляя данные только этих описаний, можно без труда представить себе императорскую статую. Отмечены держава в левой руке¹², простертая правая рука. Как дань недавним событиям латинского завоевания Константинополя звучат слова о направлении руки Юстиниана к „срацинской земле“. Во времена самого императора Прокопий Кесарийский пояснял этот жест так: „Правая рука его протянута по направлению к востоку; и, вытянув пальцы, он как бы приказывает находящимся там варварам сидеть спокойно дома и не двигаться за свои пределы“¹³.

Вполне достоверные и довольно яркие приведенные описания статуи, сделанные русскими путешественниками XIV—XV вв., как ни странно, до сих пор почти не привлекались для характеристики ранней константинопольской скульптуры¹⁴. Между тем эти сведения, давно уже опубликованные русскими учеными, составляют ценные свидетель-

⁹ Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина (далее ГПБ). Отдел рукописей, Q XVII, № 184. Список середины XVII в., л. 76 об. Ср. Л. Н. Майков. Беседа о святых и других достопримечательностях Царяграда. „Материалы и исследования по старинной русской литературе“. Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 51, № 1—4. СПб., 1870, стр. 16. Ср. также Д. Ф. Кобекко. Топографические указания Беседы о святых Царяграда. ВВ, VIII, 1901, стр. 106—114.

¹⁰ И. П. Сахаров. Путешествия русских людей в чужие земли, ч. II. СПб., 1837, стр. 14.

¹¹ ГПБ. Фонд ОСРК, Q XVII. 76. Сборник конца XVI в.; И. П. Сахаров. Ук. соч., стр. 37—38; А. И. Кярпичников. Чудесные статуи в Константинополе. „Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете“, IV. Византийское отделение, II. Одесса, 1874, стр. 36.

¹² В „Беседе“, по-видимому, ошибочно „яблоко“ (держава) названо в одной руке, а крест — в другой. У Стефана Новгородца и у Зосимы, напротив, подчеркивается нераздельность „яблока и креста“ словами: „на яблоцѣ крестъ“.

¹³ Прокопий Кесарийский. О постройках. Перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4, стр. 213.

¹⁴ Из всех специальных и общих трудов исключение составляет только R. Jaquin. Constantinople byzantine. Paris, 1950, p. 78—79. Однако и здесь мы не находим полного анализа сведений русских паломников о статуе Юстиниана.

Рис. 2. Копия рисунка Феодана Грека с изображением Софии Константинопольской. Миниатюра из Часослова Кирилла Белозерского 1342—1424 гг.

ГБЛ, фонд 304, № 16

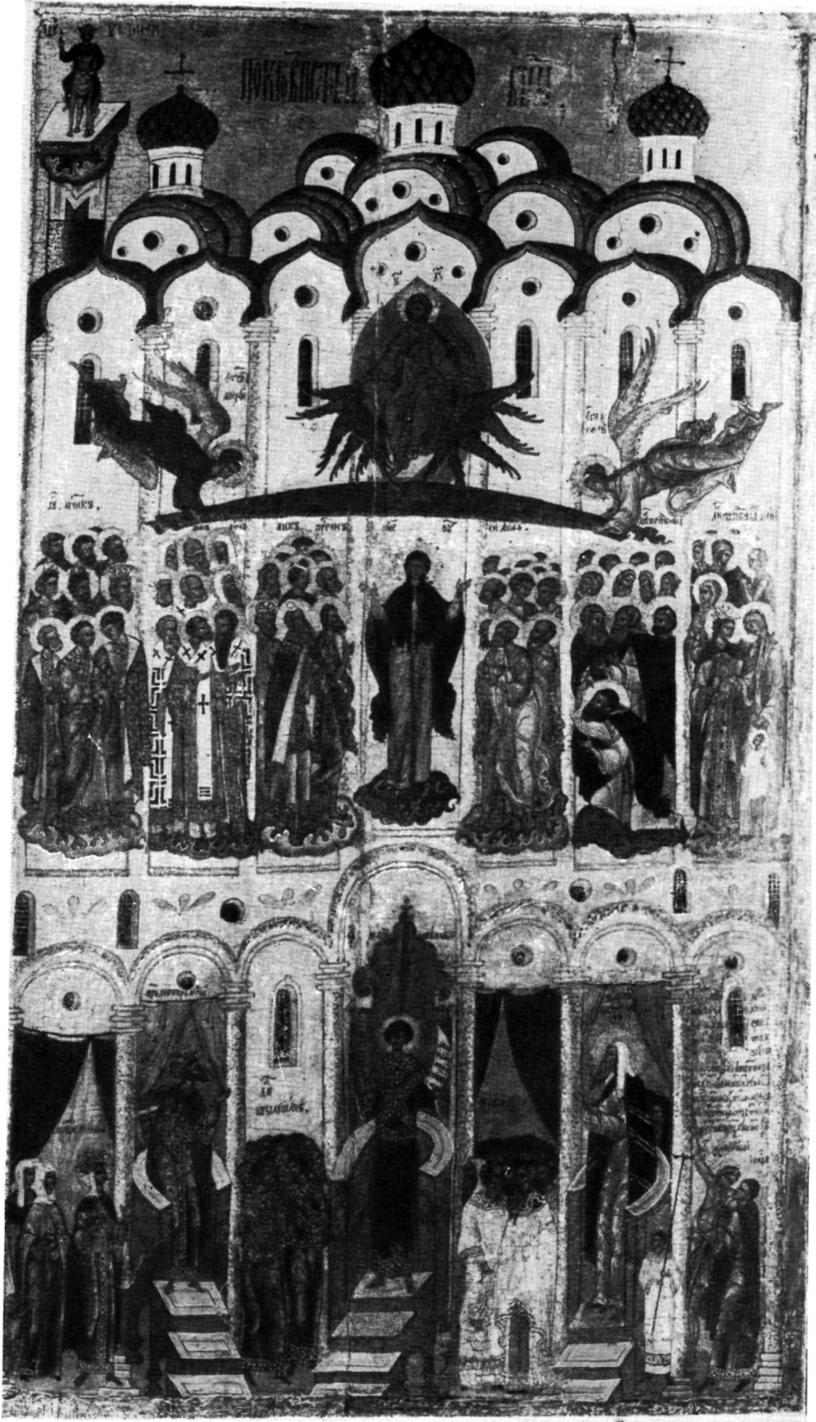

Рис. 3. Икона „Покров пр. богородицы“. Конец XV—начало XVI в.
Из собрания Гос. Русского музея

Рис. 4. Деталь иконы „Покров пр. богородицы“. Конец XV—начало XVI в.
Из собрания Гос. Русского музея

Рис. 5. Икона „Всемирное воздвижение креста“. 2-я половина XVI в.
Из собрания Государственной Третьяковской галереи

Рис. 6. Деталь иконы „Всемирное воздвижение креста“.
2-я половина XVI в.
Из собрания Государственной Третьяковской галереи

ства средневековья о судьбе интереснейшего произведения византийского искусства VI в.¹⁵

Однако этот монумент был известен на Руси не только в описаниях путешествий в Царьград. Большой интерес к византийской столице, древнему Софийскому собору, другим достопримечательностям и „святыням“ Царьграда был характерен для многих представителей древнерусской государственности и образованности. Не случайно Симеон Гордый направил в 1350 г. значительную сумму на ремонт Софийского собора¹⁶.

Не случайно также, по просьбе самого Епифания Премудрого, знаменитый Феофан Грек создал изображение „Софии Цареградской, которую воздвиг великий Юстиниан“, а возле нее — статуи Юстиниана. О ней Епифаний особо просил Феофана, как это следует из письма Епифания к Кириллу Тверскому: „Так называемого Юстиниана ты (Феофан. — О. Б.) напиши мне сидящим на коне и держащим в правой руке медное яблоко (говорят, размеры его таковы, что туда можно влить два с половиной ведра воды); и это все вышесказанное изобрази на книжном листе...“. Особенно интересно, что этот рисунок сразу получил распространение в кругу художников-иконописцев: „От сего листа была великая польза и прочим московским иконописцам, так как многие перерисовали его себе, соревнуясь друг перед другом и перенимая друг у друга“¹⁷.

Это, по-видимому, первое на Руси изображение статуи Юстиниана не дошло до нас, несмотря на то, что вскоре после его выполнения, в 1408—1409 гг., Епифаний Премудрый, заказчик и владелец, увез его, спасаясь от нашествия Едигея, из Троицкого монастыря в Тверь. Сохранившиеся реплики феофановского изображения Софийского собора, как отмечали еще А. И. Некрасов и В. Н. Лазарев¹⁸, не выше ремесленного уровня и настолько схематичны, что в них не оказалось места для статуи Юстиниана¹⁹ (рис. 2). Однако: миниатюра Феофана

¹⁵ В русской научной литературе публикация текстов путешествий [в Царьград осуществлена была давно. Известны издания их, относящиеся к 1828, 1837, 1863, 1887 и 1889 гг., а также к XX в. Уже в XIX в. в русской науке появляются исследования памятников материальной культуры Византийской империи на основании этих письменных источников, например: Леонид (Кавелин). Обзорные царьградских памятников и святых XIV и XV веков по русским паломникам. М., 1870; Л. Н. Майков. Ук. соч.; А. И. Кирпичников. Ук. соч. Из более новых работ, затрагивающих эту тему, необходимо назвать труд Н. П. Сычева: „Древлехранилище памятников русской иконописи и церковной старины... при Русском музее...“ Пгр., 1916, стр. 22—25. Нам известна единственная работа русского ученого, в которой рассматриваются византийские памятники, в их числе статуя Юстиниана, без привлечения свидетельств русских путешественников: Н. В. Покровский. Византийский шит, найденный в Керчи. „Материалы по археологии России“, т. VIII. СПб., 1892, стр. 23—37. В конце XIX в. появился перевод русских паломников: „Itinéraires russes en Orient traduits pour la société de l'Orient par M-me V. de Khitrowa“. Genève, 1889.

¹⁶ Niceph. Greg., III, p. 198—199. Ср. Пл. Соколов. Русский архиепиеп из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913, стр. 308, а также А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Очерки по истории XII—XIV столетий, Пгр., 1918, стр. 291, прим. 5.

¹⁷ Послание Епифания Премудрого Кириллу Тверскому (около 1415) сохранилось в единственном списке XVII в. в сборнике „География“. ГПБ. Соловецкое собрание, № 1474/15, лл. 130—132. Цит. по последней публикации: В. Н. Лазарев. Этюды о Феофане Греке. ВВ, VII, 1953, стр. 246; впервые данные путешествий в Царьград и это послание были сопоставлены Майковым (ук. соч., стр. 39, прим. 2.).

¹⁸ А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 222 и 240, рис. 171 на стр. 239; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 69, прим. 1.

¹⁹ Часослов Кирилла Гелозерского 1422—1424 гг. [хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (далее — ГЕЛ)]. Фснд 304, № 16; Псалтырь 1424 г.,

Грека в действительности сыграла в русском искусстве значительно бoльшую роль, чем считалось до сих пор.

Важно заметить, что этот рисунок был заказан как вполне самостоятельное изображение. Епифаний Премудрый просил изготовить его таким образом, „чтобы я мог положить это в начале книги и, вспоминая твою работу и глядя на такой храм, мог бы представить себе, что нахожусь в Царьграде“²⁰.

Весьма примечательно, что русские иконописцы и сам Епифаний Премудрый не пошли по пути только копирования рисунка Феофана Грека. Об элементах творческого отношения к его миниатюре можно судить по упомянутому в том же „послании“ „соревнованию“ мастеров. Особенно же любопытно, что Епифаний „как живописец“ написал для четвероевангелия „четыре храма и четырех евангелистов“ и только в одном случае „в начале книги, в Матфееве евангелии“, наряду с храмом поместил еще и „столп“ Юстиниана²¹.

Итак, изображение статуи Юстиниана на Руси ранее всего появилось в книжной миниатюре. Здесь оно было представлено в нераздельной связи с Софийским собором. В таком виде оно было скопировано и отчасти распространено среди московских и, по-видимому, троицких иконописцев и миниатюристов²².

Однако древнерусская миниатюра не осталась единственной областью, где были известны изображения статуи Юстиниана.

В настоящее время мы располагаем еще шестью ее изображениями в памятниках русского искусства XVI—XVII вв.²³: двумя — на иконах (рис. 3, 4, 5 и 6) „Покров пр. богородицы“ из собрания Государственного Русского музея²⁴ и „Всемирное воздвижение креста“ из собрания Государственной Третьяковской галереи²⁵ и четырьмя — в иконописных подлинниках XVI—XVII вв. (в композиции „Воздвижения Креста“)

хранится в Гос. Русском музее. Фронтиспис из псалтыри воспроизведен у А. Некрасова (ук. соч., рис. 171).

²⁰ В. Н. Лазарев. Этюды о Феофане Греке, стр. 246.

²¹ Там же.

²² Следует предположить, что слышавший об этой достопримечательности от очевидцев, хотя и никогда не бывавший сам в Царьграде, Афанасий Никитин не только был знаком с описаниями статуи, но и видел ее книжные изображения на Руси. Возможно, поэтому он и сравнивает в „Хожении за три моря“ Будду с Юстинианом: „В Буханъ же Буть вырезанъ ис камени, велми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко да простер, акы Устьян царь Царяградскы“ (Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1446—1472 гг. М.—Л., 1958, стр. 18). К сожалению, в примечании 128 на стр. 224, 225 ошибочно сообщается о разрушении статуи Юстиниана до 1453 г.; кроме того, неточно цитируются слова Стефана Новгородца о статуе.

²³ Н. П. Кондаков („Иконография богородицы“, т. I, СПб., 1914) и Н. П. Сычев (ук. соч., стр. 22—25) приводят сведения только об одной иконе XVI в. с изображением статуи Юстиниана из собрания Русского музея. По-видимому, об этой же иконе упоминается в комментарии к „Письму Епифания к другу своему Кириллу“ в кн.: „Мастера искусства об искусстве“, т. IV. М.—Л., 1937, стр. 18, примечание.

²⁴ Гос. Русский музей. ДРЖ № 2142 (б. № 2106 из собрания Н. П. Лихачева), конец XV — начало XVI в. Эта икона воспроизводилась неоднократно. Ср. Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Atlas снимков, часть I. СПб., 1906, табл. СХХХII, № 234; Н. Кондаков. Ук. соч., т. II, стр. 94 сл., рис. 28; „Русская икона“. Сборник I. СПб., 1914, вклейка между стр. 36, 37; Н. Сычев. Ук. соч., вклейка между стр. 22 и 23; А. И. Некрасов. Древнерусское образительное искусство, стр. 264, 265, рис. 187 и другие издания. Деталь этой иконы с изображением статуи Юстиниана воспроизводилась в статье А. И. Некрасова „О явлениях ракурса в древнерусской живописи“, опубликованной в кн.: „Труды отделения искусствознания РАНИОН“, ч. I. М., 1926, стр. 7—22, рис. на стр. 12.

²⁵ Гос. Третьяковская галерея, № 20694. Вторая половина XVI в. Эта икона впервые воспроизведена в кн.: „Древнерусская живопись в собрании Гос. Третьяковской галереи“. М., 1958, табл. 57. Ср. также икону „Покров“ из Новгородского музея.

(рис. 7, 8, 9 и 10)²⁶. Сравнительно миниатюрные, „мелочного письма“, как сказал бы иконописец XVII в., эти изображения дают обобщенный выразительный силуэт конной статуи, стоящей возле здания собора. Эта нераздельность изображения столичного храма и статуи заставляет вспомнить приводившиеся выше слова Епифания Премудрого, обращавшегося с заказом к Феофану Греку. Общие черты здесь проявляются в одежде всадника — это царское облачение и корона. Вместе с тем здесь имеются и различия в передаче самой статуи, в одном случае впрямь (рис. 3 и 4), в другом — в профиль (рис. 5 и 6), где с копьем (рис. 5 и 6), где с саблей или мечом, где с простертой рукой; неодинакова и передача столпа; собор в одних случаях многоглавый, а в других — одноглавый. Все это следует отнести за счет собственного творчества русских художников. По описанию Прокопия, статуя Юстиниана была лишена оружия: „У него нет ни меча, ни копья, никакого другого оружия; только крест у него поставлен над шаром...“²⁷. Более привычный в русском искусстве образ всадника-воина заставлял иконописцев вкладывать в руку властителя саблю, меч, копье. Но основа этого изображения восходит, весьма возможно, к недошедшему до нас рисунку Феофана Грека; во всяком случае, нам неизвестно, чтобы какие-либо еще прототипы этого изображения находились в распоряжении русских художников. По-видимому, русские иконописцы воспользовались как образцом книжной миниатюрой (созданной Феофаном Греком на рубеже XIV—XV вв.) для передачи облика столицы Византийской империи. Именно столичный храм (правда, не Софийский, а Влахернский) требуется по сюжету иконы с изображением покрова богородицы. Именно в Константинополе происходит установление празднования воздвижения креста после его обретения в Иерусалиме²⁸.

Введенный в область древнерусской книжной миниатюры по особому заказу мотив столичного храма и конной статуи перешел в иконопись вполне осознанно. Об этом позволяет судить современная живопись иконы ГРМ с надписью на ней: „Црь Устиян“. Однако в нескольких иконописных подлинниках XVII и начала XVIII в. мы не находим имени Юстиниана в тексте рекомендации для иконописца. Здесь просто указывается: „Столп, на столпѣ члвкъ киноварен весь сам и конь, а в рукѣ держит кубец, а в другой саблю“²⁹.

²⁶ 1. Строгановский иконописный лицевой подлинник (конца XVI и начала XVII столетий). М., 1867, сентябрь, 14 день. 2. Подлинник иконописный. Под ред. А. И. Успенского. М., 1903, стр. 30 в тексте и стр. 7 в литографированных рисунках. Дата его — XVII век. 3. Литография Прохорова с прориси иконы „Воздвижение креста“ XVII в. Отд. лист (около 1862 г.). Хранится в библиотеке Загорского музея. 4. Иконописный подлинник 1658 г. в собрании Отдела рукописей Гос. Исторического музея. Уваровск. № 1021, л. 47 об. На изображении статуи Юстиниана сделана пояснительная надпись о цветовом ее выражении на иконе: „киноварь“. Это изображение публикуется впервые.

²⁷ Прокопий Кесарийский. О постройках, стр. 213.

²⁸ Пользуясь случаем выразить благодарность зав. отделом древнерусской живописи Гос. Третьяковской галереи В. И. Антоновой за указание на различие между сюжетом собственно „воздвижения креста“ (ср. Великие Минеи четии. Памятники славяно-русской письменности. Сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869, стб. 673), происходившего в Иерусалиме, и сюжетом празднования „всемирного воздвижения креста“, имевшего место в Константинополе.

²⁹ ГБЛ. Отдел рукописей, фонд 229 (собр. Н. С. Тихонравова), № 527. Подлинник иконописный XVII в., л. 8. Ср. аналогичное описание в том же собрании рукописей. Фонд 138 (Костромская библиотека), № 109. Иконописный подлинник XVIII в., л. 239 об. Упоминание столпа без упоминания коня встречается, как более краткая редакция, в указанном подлиннике, изданном под ред. А. И. Успенского (1903, стр. 30), причем этот более краткий текст иллюстрируется прорисью с конным изображением „человека“, т. е. Юстиниана. Подобная же краткая редакция описания этой детали иконы Воздвижения креста дана в подлиннике из Отдела рукописей ГБЛ.

ДІ СЕНТЯБРЬ

ЕІ

<p>ВОЗЪИЖЕНІЕ ЧТВАГО ЧРТА СЕЛЕНЕ ПРАЗДНИКЪ И ПОСТЪ</p>	<p>СТЫИ МУЧНИКЪ НИКІТА СЛОСІЕ ДОМЪ РИЗА СО ГОРЪ ИСПОДЪ ДЕМОНАТЬ</p>
--	---

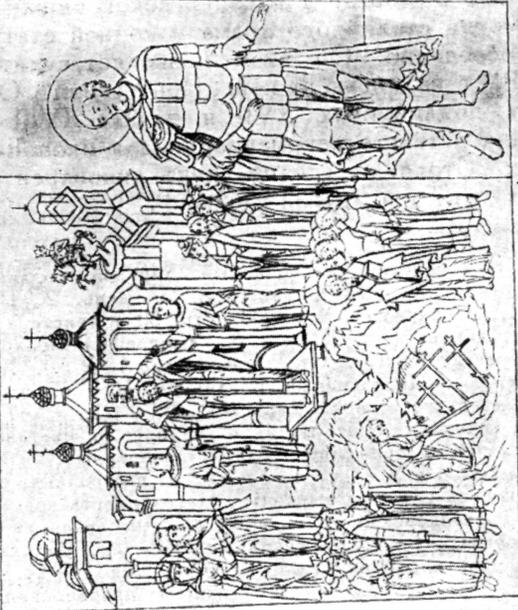

Рис. 7. Прорись к иконе «Воздвижение креста». Строгановский иконописный подлинник. Конец XVI — начало XVII в.

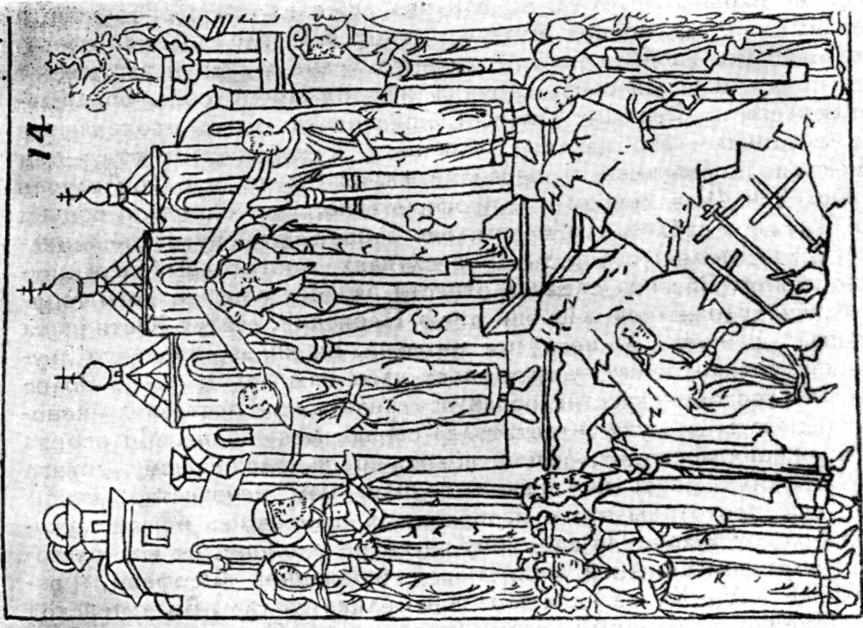

Рис. 8. Прорись к иконе «Воздвижение креста». Иконописный подлинник XVII в. Из Собрания Государя

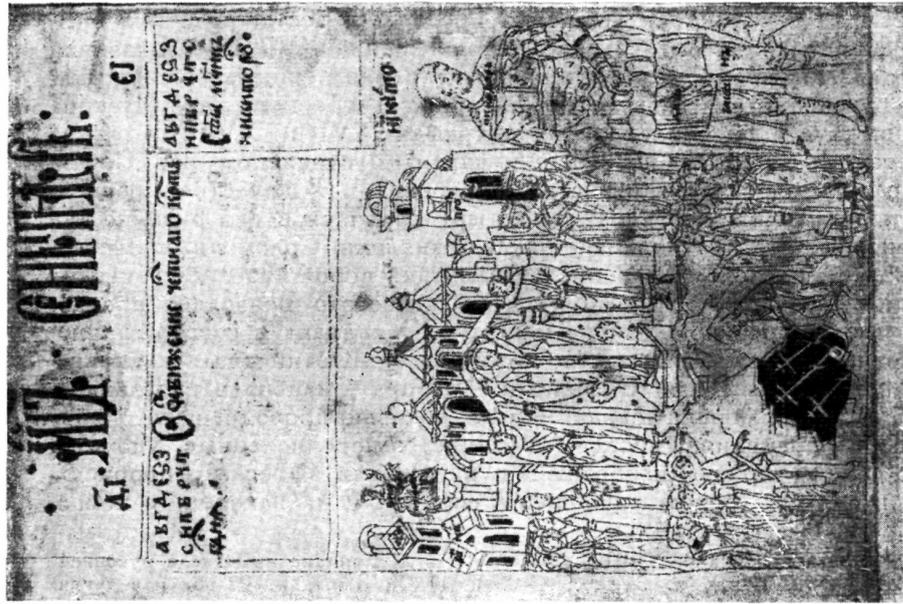

Рис. 10. Прорись к иконе „Воздвижение креста“.
Иконописный подлинник 1658 г.
Собрание рукописных книг Государственного исторического музея г.
Уваровск., № 1021, л. 47 об.

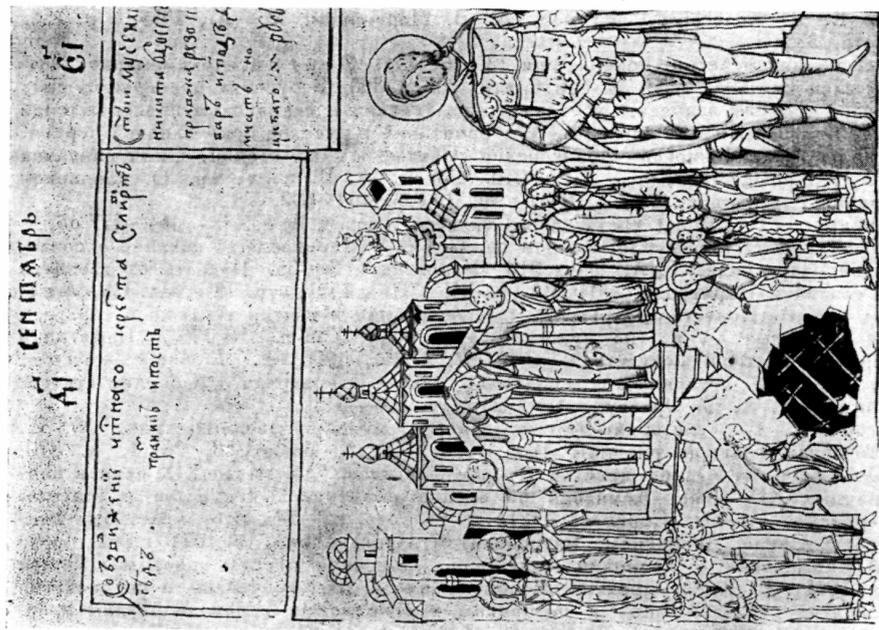

Рис. 9. Прорись к иконе „Воздвижение креста“ Лито-
графия Прохорова с образца XVII в.

Следует отметить, что авторитет самого Юстиниана как „благочестивого“ или „правоверного царя“ был чрезвычайно велик в Московском государстве в XVI и XVII вв. Так, на „царя Иустиниана“ встречаются ссылки в сочинениях Максима Грека³⁰, в постановлениях Стоглава³¹, в популярном литературном произведении XVII в. — „Сказании Авраамия Палицына“³². В макарьевских великих минеях четиях под 14 ноября приводится сказание об успении правоверного царя Иустина и Феодоры³³, а в сборниках и хронографах XVI и XVII вв. часто встречается сказание о построении царем Иустинианом св. Софии в Царьграде и о создании и взятии Царьграда³⁴. В качестве древнейшей святыни Троице-Сергиева монастыря хранился в его ризнице так называемый „крест Юстиниана“ — вклад княгини Соломониды Мезецкой в 1634 г., на самом деле представляющий собой изделие греческих (по-видимому, синайских) монахов XVII в.³⁵ Все это позволяет предположить, что изображение собора и статуи Юстиниана в русской иконографии отнюдь не случайно. Авторитет самого Юстиниана как „правоверного царя“, создателя Софийского собора — наиболее прославленного храма православной церкви, — царя, успешно проводившего борьбу с ересями в провинциях, вполне объясняет многочисленные упоминания его имени и его изображения на иконах, фресках, прорисях, а также в святцах (рядом с царицей Феодорой)³⁶ и, наконец, в компо-

Фонд 310 (Ундольск), № 130, XVIII в., л. 37 об., в подлиннике из Отдела рукописей ГПБ Q. XIII, 6 (XVII в.), л. 34 об.; Q XIII. 11 (XVII в.), л. 29 об. и в других источниках.

³⁰ Максим Грек. Сочинения. Издание Троице-Сергиевой Лавры, ч. I, 1910, стр. 111, 128, 161, 187; ч. II, 1910, стр. 229.

³¹ Стоглав. Казань, 1862, стр. 268—270.

³² Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой, под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955, стр. 256, прим. на стр. 333.

³³ Великие минеи четин, ноябрь, дни 13—15. Ср. Сергей, архимандрит. Полный месяцеслов Востока, т. II. М., 1876, стр. 302 и 360. В русских агнографических трудах нового времени всячески использовались версии о славянском происхождении Юстиниана, чем и пытались оправдать его почитание в русской православной церкви. См. Филарет, архиепископ Черниговский. Святые южных славян. Опыт описания жизни их. Чернигов, 1865, стр. II и 210. Ср. А. Васильев. О славянском происхождении Юстиниана. ВВ, I, 1894, вып. 2, стр. 469—492.

³⁴ Например, ГБЛ. Фонд 304 (Троице-Сергиева Лавра), № 805, лл. 464—477 об. — Повесть о построении царем Иустинианом св. Софии в Царьграде; Сказание о создании и взятии Царьграда. ГБЛ, фонд 310 (Ундольск), № 735. Повесть от древнего писания о создании Царьграда. — ПСРА, т. XII. СПб., 1901, стр. 78 и сл. Ср. Леонид (Кавелин). Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 г.). Нестора — Искандера XV в. (по рукописи ТСА. нач. XVI в., № 773). „Памятники древней письменности и искусства“, вып. 62. СПб., 1886; Г. П. Бельченко. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. „Сборник статей, посвященных акад. А. С. Орлову“. Л., 1934, стр. 507—513.

³⁵ Загорский Гос. историко-художественный музей-заповедник, инв. № 55. Рукописная опись главной ризницы 1908 года. Кн. I, раздел 3, № 1, л. 370; Ю. А. Олсуфьев. Опись крестов Троице-Сергиевой Лавры до XIX века и наиболее типичных XIX века. Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев, 1921, № 54, стр. 52—54. Этот крест был принесен с горы Синай Дионисием, митрополитом Ираклийским, в 1624 г., а через 10 лет был пожалован в Троицкий монастырь. Описание креста находим в Описи монастыря 1641 г.: „Крест древянь Моисѣва жезла рѣз греческая а посреди ево рѣзано распятие гдне, во главѣ и по ручкам и в подножие и назади рѣзаны прязники, обложен золотом, а ниже подножия обложено серебромъ, золочено, во влагалище поверхъ креста закладываетца слюдою, по краемъ обложена серебромъ, а на серебрѣ рѣзано. Крест царя Устияна, а дала тот крестъ вкладу княз Ивановская Мезецкого княгиня Соломонида“. Ср. Леонид (Кавелин). Надписи Троицкой Сергиевой Лавры. СПб., 1881, стр. 49—50, № 181 (189).

³⁶ Лицевые святцы XVII века Никольского единоверческого монастыря в Москве. XXIV таблицы фототипий. Издание В. П. Гурьянова. М., 1904. Здесь под 14 ноября содержится рекомендация для изображения Юстиниана и Феодоры: „Благоверный

зиции V вселенского собора³⁷. Все это должно было содействовать утверждению православия, могущества церкви и вместе с тем укреплению идеи самодержавия. Эти мотивы, имеющие глубокий конкретно-исторический и политический смысл, способствовали тому, что почти два столетия после гибели интересного памятника ранневизантийской скульптуры — статуи Юстиниана I в Константинополе — ее изображения продолжали распространяться в русском изобразительном искусстве.

царь Иустиниан, риза празелень, испод санкирь, короны и позументы золотые. Царица Феодора, риза красная, испод синий, плат белый, корона и позументы золотые“.

³⁷ Эта торжественная композиция представлена не только в иконописных подлинниках (Строгановский, под 17 июля; Большаковский, стр. 124), не только в лицевых святцах Никольского единоверческого монастыря в Москве (под 17 июля), но и в монументальной живописи XVII в.: во многих ярославских храмах, в Вологодском Софийском соборе и, наконец, в росписи Успенского собора Троице-Сергиева монастыря (1684 г.). Обычно в текстах иконописных подлинников Юстиниан определяется таким образом: „Царь сѣдит на престолѣ, рус, надсѣд, брад до пояса подвоилася оуска“ (Большаковский, стр. 124).
